
О профиле и тематике Дарвиновского Музея

Александр Федорович Котс

Принимая во внимание, что на тему настоящего доклада мною за один только последний месяц было представлено до полдюжины отчетов или докладных записок, — в большей своей части хорошо известных и во всяком случае доступных большинству присутствующих, я не полагал бы нужным затруднять внимание сегодняшнего собрания развернутым подробным повторением всего, изложенного в этих докладных записках но почитал бы более полезным, — учитывая интересы ожидаемых обменов мнений, ограничиться коротким обобщающим экстрактом или конспективным изложением существеннейших пунктов занимающего нас вопроса: «О тематике и Профиле нашего **Дарвиновского Музея**.»

Кратко и формулятивно «профиль» **Дарвиновского Музея** можно охарактеризовать немногими словами, сказав, что это —

«**Массовый Музей Советского Дарвинизма**»

К расшифровке этих четырех понятий и сводима сущность моего доклада.

Мы начнем — с конца. «Советский Дарвинизм» — выражение, которое здесь понимается в двояком смысле, безусловном и условном.

а. Безусловном — разумея **Дарвинизм**, как мировоззрение, или точнее как биологическая база нашего марксистского мировоззрения.

В полнейшее отличие от зарубежных дарвинистов, среди которых можно указать людей, весьма различных по своим мировоззренческим и философским взглядам (спиритуалистов и агностиков, как и материалистов разных толков или направлений) — наш «советский Дарвинизм» — мыслится под знаком Энгельса и Маркса, как биологическая база нашего советского, **марксистского**, мировоззрения.

б. Вторая — специфически советская особенность толкования Дарвинизма — заключается в гораздо большем, чем на Западе, подчеркивании роли Дарвина в вопросах, связанных с «Искусственным Отбором», понимаемым в самом широком смысле слова — в смысле совокупности приемов изменения и улучшения пород домашних животных и возделанных растений в области животноводства и агрокультуры.

(«Основное в дарвинизме — это учение об естественном и искусственном отборе» — Т.Д. **Лысенко**: «Энгельс и некоторые вопросы Дарвинизма».)

Таковы две основные установки нашего «Советского Дарвинизма»: в освещении марксистского мировоззрения и с акцентом на «искусственный» подбор, — в широком прагматичном смысле слова.

Вряд ли нужно говорить, что обе эти установки, первая — всецело, а вторая в широчайшей степени восприняты и проводимы **Дарвиновским Музеем**.

Несравненно более заслуживают расшифровки два других понятия вышеуказанной формулировки, именно слова: «**Музей**» и «**Массовый**».

Начнем с понятия «**Музея**» — одного из самых сложных, сбивчивых разноречивых, многозначных, мало-говорящих слов.

И в самом деле. Хорошо известно, что под именем Музея разумеют и доселе понимают учреждения весьма различные по типу, стилю, целям и диапазону: Тут и школьные, учебно- вспомогательные Кабинеты, и собрания учебных и технических пособий, и действительные, подлинные, настоящие музеи но весьма различные по содержанию и установкам, начиная с учреждений широко-образовательного типа и кончая вузовскими специальными, понятными и ценными лишь для немногих знатоков предмета и профессионалов.

Взятое, как таковое, порознь, понятие «**Музея**» нечего не говорит и в целях расшифровки этого понятия нам надлежит перевести внимание на поясняющее его слово: «**Массовый**».

Этот эпитет «Массовый» в широкой степени вскрывает все недоговоренное в понятии «Музея», но вскрывает только при одном определенном, обязательном условии, обычно, чтобы ни сказать всегда и неизменно забываемом.

Это условие касается одной глубоко-отрицательной черты, в различной степени присущей человеческой культуре всех времен и всех народов и — увы! — в широкой мере наблюдаемой доселе и у нас и это вопреки все возрастающей борьбе с этим отъявленным врагом культуры и цивилизации.

Это враждебное культуре свойство, эта величайшая ее преграда, зло, превосходящее все неполадки, тернии и трудности, ибо в широкой мере предваряющее их — нам к сожалению слишком хорошо известно: имя ему

Формализм!

Этим словом мы условимся обозначать господство мертвой и абстрактной формы над живым конкретным содержанием, подавление жизни и живого дела — мертвой и безжизненной абстракцией.

Отрыв от жизни, замещение ее словесной декларацией, антиномия содержания и формы, обещания и выполнения, или, вернее, выполнимости, это начало формализма представляется тем более зловредным или губительным, что прикрывается оно «высокими» мотивами; прекрасными словами, каковы: «Система», «План», «Порядок», «Методичность», «Объективность», «Беспристрастие».

Не знаю, как другим, но лично мною, эта накипь человеческой культуры, этот формализм, как попытка прикрывать зов жизни и порывы к творческой работе — помощью бумажных деклараций, этот доктринерский и бюрократический подход воспринимается, как тяжкая психическая травма.

Уверенный, что чувство это разделяется всецело подлинным работником культуры а тем самым и любым музейцем — я позволю себе все последующее содержание моего доклада оттенять этой исходной основной, руководящей точкой зрения: борьбой с «музейным формализмом».

А бороться с ним, этим музейным формализмом, нам музейным и культмассовым работникам, приходится на первых же шагах, при первой же попытке нашей разъяснить значение и смысл слова «Массовый Музей».

И в самом деле. Хорошо известно, что обычно слово «массовый» Музей приравняется с понятием «**общедоступный**», в смысле допущения в музей людей всех возрастов и уровней образования в отличие от музеев ведомственных, специальных и «закрытых», предназначенных для настоящих или будущих профессионалов.

Но нетрудно видеть, что такое понимание «массовых» музеев, как «общедоступных» в деле посещения — насквозь формалистично.

И понятно, почему: Музей — не Парикмахерская и не Баня, посещение которых равносильны пользе, ими приносимой.

В применении к «Музеям» — быть «общедоступным» далеко не значит быть «общепонятным», а «общепонятным» — далеко не значит — быть «общепользным».

И что это так — в этом наглядно убеждает нас самое беглое знакомство с подлинным составом посетителей музея типа **Дарвиновского**: Тут и учащиеся всех возрастов и рангов, и рабочие всех мыслимых квалификаций, и студенты Вузов и преподаватели, и знатоки науки, академики ученые, и старцы, убеленные сединами и дети по развитию и возрасту. Короче: люди, столь же разные по возрастному, социальному, профессиональному или образовательному признаку, как люди, временно объединенные вагонами московского трамвая.

Но в отличие от пассажиров этого последнего — вступающих в вагон и выходящих из него с определенной целью и обычно — достигаемой, сказать того же о посетителях Музея не приходится: настолько разнятся потребности или запросы разных континентов посетителей Музея так несходны результаты этих посещений в отношении каждого из них.

И в самом деле. Чего хочет и чего не хочет наш обычный массовый музейный зритель?

Как и обычно в человеческом быту — легко ответить на такой вопрос возможно лишь по линии отрицательной: определенно массовый музейный зритель, будь это дошкольник или академик, избегает двух вещей — именно **скуки и усталости**.

И первая обязанность Музея массового типа — борьба с этими смертными грехами и не только в отношении экспонатуры в целом но и в отношении отдельных экспонатов.

Несравненно более ответственно и трудно **позитивное** решение вопроса: Чего **хочет** и руководясь какими целями приходит в наш Музей его многообразный, многоликий зритель?

Точно ли в прямом и строгом соответствии с задачами Музея, в целях приобщения к основам **Дарвинизма**, как естественно-научной базе современного марксистского мировоззрения?

Но не говоря уже о том, что подавляющее большинство всех наших посетителей доселе составляли **дети**, недоросшие до какого бы то ни было мировоззрения, не говоря о подлинных **ученых** и людей, сложившихся в своем мировоззрении и не нуждающихся в подтверждении его в стенах Музея — можно с полной уверенностью утверждать, что в отношении громаднейшего большинства людей Музей наш привлекал доселе не мировоззренческой своей тематикой но яркостью и увлекательностью вещного показа, пользуясь которым приходилось **пробуждать впервые у музейных зрителей проблемы мирозерцания**.

Для подавляющего большинства нашей обычной рядовой музейной публики самая мысль о мировоззренческих задачах Дарвиновского Музея мало актуальна, почему первейшая задача нашего Музея сводится к тому, чтобы возможно ярче, глубже **заронить** эту идею а не в том, чтобы возможно полно выявить и отразить ее во всех деталях.

Но нетрудно видеть, что успешно выполнить эту задачу — захватить внимание массового зрителя **мировоззренческим** аспектом или назначением Музея можно лишь предельной **яркостью** экспонатуры с опущением всего, не отвечающего этому условию.

Но как ни важно заронить потребность современного научного мировоззрения — еще важнее — закрепить его.

И здесь нельзя достаточно настойчиво подчеркивать элементарный факт, что всякое мировоззрение покоится в широкой мере на **эмоциональной** базе а не на **рассудочных** лишь аргументах, будучи для большинства людей вопросом **чувства**, столько же как и **ума**, проблемой **сердца** а не только **интеллекта**.

Будем помнить: безболезненно, легко и просто люди изменяют свои взгляды только по вопросам безразличного характера. Не то — в вопросах мирозерцания и жизненного опыта. Добиться здесь желательной реформы или переубеждения возможно только при одном условии: при облекании доводов рассудка — доводами чувства, облекании научных аргументов яркой, увлекательной, манящей и чарующей оправой.

К сказанному до сих пор о роли и значении эмоционального начала в деле устройства экспонатуры для музеев массового типа — присоединяется еще один — решающий мотив.

В полнейшее отличие от целей и задач былых «кунсткамер», как и большей части массовых музеев зарубежных стран — музеев «ассертивного» порядка, говорящих лишь о том, что **есть**, наши советские музеи — суть музеи **нормативного** характера, Музеи, говорящие о том, что **должно**.

Таково первейшее принципиальное отличие музеев «ассертивного» и «нормативного» порядка. Вряд ли нужно говорить, что посвященный четкой идеологической мировоззренческой тематике — Музей имени **Дарвина** является музеем **нормативного** порядка в самом подлинном и строгом смысле слова, «нормативным» в целом по своим задачам, нормативным — в отношении каждой экспозиции, любого экспоната, каждой вещи, каждого объекта, предлагаемого к восприятию не «как-нибудь» и не в любом аспекте, но в определенном лишь идейном освещении. Это — во-первых.

А теперь — второе.

В полное отличие от всех музеев школьного, учебного, профессионального характера, имеющих задачей **обязать, заставить** своих зрителей усвоить данную экспонатуру (не усвоивший ее рискует провалиться на

экзамене) — Музеи массового типа типа **Дарвиновского** предназначены для добровольных посещений без малейшего контроля или принуждения. — «Хочешь — иди в Музей, не хочешь — воздержись, или, найдя экспонатуру трудной или нудной — можешь прекратить осмотр экспозиции в любой момент, с любого пункта. Полная „**факультативность**“ посещения Музея и его осмотра!»

Перед нами сочетание двух мнимым образом противоречащих начал: **факультативность посещения и нормативность усвоения**.

Вы можете ходить, или напротив, не ходить в Музей, вольны глядеть или, обратно, не смотреть на данный экспонат, но предлагается Вам весь Музей и каждый экспонат в определенном, точно предусмотренном аспекте: в свете современного научного мировоззрения, в свете **Дарвинизма**.

Но этим самым предопределяется методика подачи и тем самым в широчайшей степени и содержание подобно Музея.

Справедливо было сказано: самые вкусные пирожки покажутся мало-съедобны при швырянии их в голову —

И совершенно также самые существенные, точные для Дарвинизма факты и теории но поданные нудно, скучно, трудно, тускло, бледно и неэффективно не дойдут до массового зрителя.

Отсюда вывод: сочетать факультативность посещений Дарвиновского Музея с нормативности даваемых им знаний можно только при условии предельно яркого, манящего и увлекательно красочного вещного показа!

Таковы главнейшие соображения и факты, говорящие о колоссальной роли **формы** экспозиции и **способа** показа для музеев массового типа, в частности для **Дарвиновского Музея**. И теперь — последний аргумент, отчасти подтверждающий, отчасти дополняющий и корректирующий приведенное доселе.

Мы имеем здесь в виду общеизвестный факт, что говоря о «массовых» музеях и о «массовых их посетителях», обычно под последними привыкли разуть лишь рядовую «массовую публику» а под последней разуть ее лишь мало подготовленную часть, готовую отчасти примириться с экспонатами и экспозицией упрощенного типа содержания или показа.

Практикуемый по преимуществу в музеях или экспозициях **естественно-научных** этот упрощенческий подход нередко побуждает устроителей таких музеев наводнять экспонатуру темами или предметами второго или третьего разбора, школьного-учебного, торгово-массового производства...

В результате — полное смешение понятия «**Музея**» и «**Учебно-Вспомогательного Кабинета**», «Экспоната» и «Наглядного пособия».

Но незаметное и безнаказанно производимое для мало-подготовленного зрителя это вклинение в «музейную экспонатуру» тем или предметов типа школьного, учебного пособия — заведомо и совершенно нетерпимо для музея, призванного обслужить не только «мало-подготовленную» массу но знатоков науки и любителей предмета. Но отсюда — новая задача: выключение из экспозиции всего банального и тривиального, лишнего оригинального и творческого элемента.

Перед нами — основная, давняя, исходная хотя — увы! — обычно неосознаваемая трудность, в разной степени присущая всем массовым музеям (кроме собственно — мемориальным!) и решить которую доселе не далось ни одному из них:

Мы разумеем основную экспозиционную проблему каждого музея массового типа:

— «**Каким образом возможно примирить на той же экспозиции запросы или интересы лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту?**»

Не разрешивши этой основной проблемы ни один Музей не сможет почитаться «массовым» или «общедоступным» в подлинном идейном, просветительном а не пространственном, «кирпичном» смысле слова.

И с особой остротой проблема эта стала перед нашим **Дарвиновским Музеем**, как сугубо нормативном-идеологическом, имеющем наглядно показать своему массовому посетителю не факты, не предметы, не объекты, чучела, картины и скульптуры, но отображаемые, оттеняемые ими обобщения, проблемы, отношения, процессы и явления, идеи — более, чем факты, мысли — более, чем препараты!

Каким образом наглядно-вещно примирить непримиримое — запросы, любознательность ученых-академиков, сезонников-рабочих и дошкольников?

Нетрудно видеть, что проблема эта — специфически-музейная и если большинство музейцев до сих пор ее обычно забывали то единственно лишь потому, что для одних музеев (правда меньшинства а именно мемориальных!) самая проблема эта мало актуальна, а для большинства других (особенно естественно-научных) — устроители музеев думают ее ослабить или обойти различными приемами и компромиссами.

Сюда относятся: дифференцированное обслуживание лектором-экскурсоводом применительно к составу группы или многоплановость музейных экспозиций, при которой в той же зале но в зависимости от состава зрителей включаются в осмотра разные объекты.

Но едва ли нужно говорить, что проводимые только условное (при наличии талантливых руководителей, которых может и не быть!), все эти методы или приемы совершенно и заведомо неприложимы к одиночным зрителям (не пользующимся устным пояснением) и вообще в отсутствие экскурсовода.

Но ведь именно для массовых музеев типа **Дарвиновского**, приходится по мере грандиозного его развития и роста делать ставку главным образом на одиночных зрителей, поскольку никакими кадрами экскурсоводов не покрыть потребностей грядущих посетителей его.

И вот, идя навстречу этим одиночным посетителям, не пользующихся устным объяснением и в замену языка этикетажа или устной речи «Языком Вещей» — сорокалетним опытом нашего **Дарвиновского Музея** разработан ряд новаторских приемов и методик в целях разрешения вышеуказанной проблемы: **Применения на тех же экспонатах лиц безотносительно к их возрасту и уровню образования.**

Эти главнейшие приемы могут сводимы к следующим четырем:

- I. Максимальный **Лаконизм** тематической и вещной экспозиции, максимальное укорочение пути от факта к обобщению. Избегание ненужных повторений, кроме случаев особенно оправданных и предусмотренных.
- II. Оперирование только с фактами (примерами) предельно яркими и темами, общепонятными, и общевлекательными. Опускание всего, не отвечающего этому условию.
- III. Пронизывание **всей** экспонатуры творческими элементами, дающими возможность иллюстрировать общеизвестные теории новыми фактами, старые факты — в новом освещении.
- IV. Оформление всей экспонатуры и особенно примеров тривиальных, но не устранимых в силу их научной ценности новаторскими методами их показа. Широчайшее использование полноценной живописи и скульптуры.

В результате: **Абсолютная для всех музейных зрителей Экспонатура, доходчивость обеспеченная либо новизной и яркостью фактического материала, либо применением новаторской методики показа.**

Сказанным определяется «Культ-просветительный» и собственно научный «профиль» **Дарвиновского Музея**, как Музея «**Массового типа**» в подлинном строжайшем смысле слова, сочетающего строгую научность с яркой и общедоступной формой вещного показа.

Широко охватывая все главнейшие разделы **Дарвинизма**, как они изложены в пяти главнейших сочинениях великого ученого Музей носящий его имя не является да и не может быть «Энциклопедией» по Дарвинизму и не только из-за неосуществимости такой затеи (именно поскольку вещное отображение всех фактов и воззрений Дарвина потребовало бы километров стен и полок) но и за ненужности ее, поскольку «одолеть» подобный «вещный» справочник по Дарвинизму было бы заведомо и совершенно не под силу массовому зрителю.

Ненужный для ученого подобный «справочник», конечно еще менее оправдан для широкой публики.

Тепло, доходчиво и ярко иллюстрируя труды и жизнь **Дарвина**, его предшественников и соратников, приемников и продолжателей Музей наш не является «**мемориальным**» в строгом смысле слова, претендующим на то, чтобы отобразить во всех деталях жизнь и труды великого ученого. Уместный и оправданный на Родине последнего такой Музей не может быть оправданным у нас и это вопреки тому, что именно в России Дарвинизм приобрел себе вторую родину. —

Задача, цель Музея: Не пассивно реферировать теории и факты **Дарвинизма** в форме вещной компиляции, но самобытно проработав основные темы или главы эволюционного учения отобразить их **творчески** в стенах Музея, пронизать экспонатуру **творческим** моментом содержания и показа.

Цель, задача **Дарвиновского Музея** — не переносить на его стены или на сетчатку его зрителей **все** факты или мысли, связанные с Дарвинизмом или Дарвиным, но в том, чтобы при свете Дарвинизма захватить, зачаровать музейных посетителей идеей эволюции живого мира, грандиозными картинами его истории и власти человека над Природой, заронить и закрепить любовь к науке, как пособнице культуры и основы современного научного мировоззрения.

Обращаясь от вопроса «Профиля» к проблеме вещного и тематического содержания **Дарвиновского Музея** нам необходимо всего прежде отвести один упрек, возможный или ожидаемый со стороны людей, мало причастных к массовой музейной практике и вообще культмассовой работе.

В основе этого упрека или возражения лежит грубейшее смешение задач музеев школьного, учебного, профессионального и массового типа.

Привыкши оперировать в стенах учебного музея и со школьной кафедры с определенной отраслью науки, в данном случае со сложным комплексом проблем, объединяемых Дарвинизмом, эти лица склонны механически переносить свой опыт или методические установки и на устройство музеев массового типа, забывая глубочайшие принципиальные отличия в условиях работы или эффективности ее в обоих случаях: там — **обязательное** знание в условиях проверки и учета, здесь — **факультативное** — без всякого контроля.

Сказанное поясним примером.

Для учащихся второй ступени, проходящих курс Естествознания, или для студентов Биофака обязательно является возможно **равномерное** знакомство или изучение всех основных разделов Биологии, всех основных разделов Дарвинизма, **независимо** от степени доходчивости или увлекательности тех или иных примеров, тех или иных теорий.

Молчаливо полагается, что ученик или студент уделят одинаковое рвение или внимание при изучении соловья и жабы, розы и крапивы.

Будущий ботаник должен знать **все** главные виды растений, будущий зоолог — различать все главные виды лягушек, их отличия от жабы, орнитолог — отличить два вида наших соловьев и их ближайших родичей.

Совсем не то для посетителей музеев массового типа и особенно Музея идеологического типа Дарвиновского: Познав главнейшие закономерности в учении Дарвина на соловьях нашему массовому посетителю нет необходимости усвоить еще раз и те же самые закономерности на жабах, розах и крапиве.

И излишне это потому, что цели массового просвещения иные, чем профессионального и самые условия для усвоения его неодинаковы в обоих случаях.

Задача массового просвещения — заронить любовь к науке и задачу эту легче выполнить показом соловья и розы, чем показом жабы и крапивы.

Говоря короче: в полное отличие от целей и задач учебного или профессионального Музея с их акцентом на фактическое знание и полноту даваемого материала — установка массовых музеев делает упор на усвоение руководящей обобщающей идеи, усвояемой лишь в меру яркости, доходчивости, эстетизма предлагаемых примеров.

От учащегося Биофака мы имеем право требовать фактического знания **всех** главных групп животного или растительного мира, **всех** основных разделов Дарвинизма независимо от степени их трудности, изящества и яркости их поясняющих примеров.

Но совсем не то — мы скажем рядовому массовому посетителю нашего **Дарвиновского Музея**: «Факты Вы забудете, как позабудете целые главы Эволюционного учения... Но сохраните в памяти саму идею беспредельного развития живой природы и законы, управляющие ею, удержите в памяти и унесите в жизнь — веру и уверенность в господство разума, любовь к науке, уважение к героям мысли, творческого управления природой.»

И легко понять, что для такой зарядки пафосом научного искания и творческого устремления небезразлично на какой музейной гамме и клавиатуре поведется ваша речь и ваш показ и что захватите Вы ваших зрителей вернее, крепче, оперируя на ярких, красочных до фееризма образцах гармонии и красоты Природы, чем на тусклых, блеклых и невыразительных останках или остовах увядшей жизни и угасших красок.

Говоря короче: оперируя с музеем массового типа или с массовым музейным зрителем проблема **качества** показа предопределяет в высочайшей степени и **содержание** даваемого материала.

Несколько перефразируя слова, попутно сказанные некогда **Крамским**, возможно утверждать:

В Музеях Массового типа эффективность содержания или **тематики** настолько связана с **методикой показа**, ее техникой и формой, что от **этой формы** в **высочайшей** степени зависит **содержание Музея**.

Возвращаясь к приведенным ранее примерам, можно утверждать, что при всех прочих одинаковых условиях показывать идею эволюции для массового зрителя уместнее на райских птицах или соболях, чем помощью клопов и тараканов.

Таково простое и бесспорнейшее положение, элементарный музеологический трюизм.

И как ни грустно положение музейца, вынуждаемого к дискутированию таких трюизмов, нам необходимо все же несколько остановиться на одном упреке или возражении, настолько грубом и безграмотном, что говоря о нем, невольно вспоминаются слова Грановского: «Бывают споры в такой мере низкопробные, что унижают они даже тех, кто защищает правое дело».

И действительно. Вообразим такого критика, который возражая против приведенной только что элементарной мысли о зависимости содержания экспонатуры массовых музеев от доступности их яркому и красочному вещному показу, — сделал бы отсюда вывод, что означенным музеем и музейцем отрицается **научные значения и ценность** всех объектов и разделов знаний, недоступных яркому показу.

Убедительность такого вывода или вернее «выпада» возможно всего лучше пояснить аналогичным но ображаемым примером.

Хорошо известно, что имеется на свете множество наук громадной ценности но абсолютно недоступных вообще музейно-вещному показу будь-то Стенография, Санскрит и вообще Языковедение, Логика и множество других гуманитарных дисциплин, заведомо и совершенно недоступных вещной демонстрации в стенах какого бы то ни было музея.

А теперь вообразим лицо, которое бы заявило: отрицающий пригодность перечисленных наук для вещной демонстрации их в музее отрицает этим самым их научное значение и ценность.